

С высоты белого журавля Цзян Юйхуай увидел Юнь Чжи, и их взгляды встретились.

Семнадцать-восемнадцатилетний юноша вырос красивым. На изящном лице не было никакого выражения, но этого вполне хватило, чтобы сердце Цзян Юйхуая, который предыдущий месяц дни и ночи видел перед собой это прекрасное лицо и терпел постоянные мучения от его обладателя, болезненно сжалось.

Как он и ожидал, Юнь Чжи тоже переродился.

Цзян Юйхуай понял это с первого взгляда — в прошлой жизни при их первой встрече тот был всего лишь пяти-шестилетним снежным комочком, а этого юношу он видел буквально мгновение назад в тёмной комнате.

Это было дитя, которое он вырастил собственными руками. Он своими глазами видел, как тот вырос, как его соблазнил демон сердца, как он упрямо поверил, что учитель его не любит, и как в конце концов покончил с собой на его глазах.

Как же можно было его не любить? Ведь это был его маленький ученик, которого он лелеял и баловал, растя с нежностью.

Даже если бы Юнь Чжи захотел солнце, он сумел бы его достать — что уж говорить о том, что Юнь Чжи просил у него только любви.

Может, он недостаточно явно выражал свою привязанность, отчего Юнь Чжи и возникло недоразумение?

Неизвестно, контролирует ли Юнь Чжи сейчас демон сердца, но в любом случае необходимо что-то изменить.

С такими мыслями Цзян Юйхуай, полный тревоги, медленно направил белого журавля к земле.

Журавль привлёк внимание большинства присутствующих. Кроме новых учеников, которые по-прежнему стояли на коленях, почти все подняли головы к темноволосому бессмертному, а затем дружно посмотрели на Юнь Чжи.

Ничего удивительного — взгляд Цзян Юйхуая, прикованный к Юнь Чжи, был настолько очевиден, что даже дурак понял бы: он явился именно за этим юношей.

Белый журавль опустился прямо перед Юнь Чжи. Цзян Юйхуай спешил под тихие возгласы учеников:

— Это Бессмертный Владыка Цзичуань!

— Зачем Бессмертный Владыка пожаловал сюда?

— Неужели Цзян Юйхуай собирается брать ученика? Правда что ли?

Услышав голоса, Цзян Юйхуай перевёл взгляд на источник звука.

Одна секунда, две секунды, три секунды.

Юнь Чжи мысленно отсчитывал время, опустил голову и отвернулся от Цзян Юйхуая.

Шицзунь смотрел на других целых три секунды. Значит, он действительно никогда меня не любил.

Так печально думал Юнь Чжи.

Любой нормальный человек счёл бы подобные представления о любви абсурдными, но Юнь Чжи не был нормальным человеком — он даже человеком-то не был.

Любовь, которой он жаждал, означала, что каждая мысль Цзян Юйхуая должна вращаться вокруг него, что всё внимание и вся душа должны принадлежать ему, и даже мгновение рассеянности недопустимо.

Неотступная близость, болезненная одержимость.

Именно так он и любил своего учителя, но учитель никогда его не любил.

Цзян Юйхуай лишь обернулся посмотреть, кто его зовёт, и тут же увидел, что Юнь Чжи опустил голову и больше на него не смотрит.

Нервно поджав губы, он взглянул на Юнь Чжи и мягко произнёс:

— Ты... согласишься изучать со мной Путь Бесстрастия?

Слово "мягко" в применении к холодному Бессмертному Владыке Цзичуань само по себе было достаточно ошеломляющим, но Цзян Юйхуай всё равно считал себя недостаточно ласковым.

Он никогда не мог разгадать странные и тонкие душевные движения Юнь Чжи — а вдруг опять скажет что-то не то...

Юнь Чжи резко поднял голову, и Цзян Юйхуай встретился взглядом с покрасневшими глазами серо-белого цвета, которые в следующую секунду готовы были пролить слёзы.

Плохо дело.

Кажется, он действительно сказал что-то не то.

Не успел Цзян Юйхуай открыть рот, чтобы исправить ситуацию, как услышал голос юноши, дрожавший от сдерживаемых эмоций:

— Хорошо.

Юнь Чжи не заплакал — он сам стёр слёзы.

Опустив голову и сложив руки на груди, он почтительно поклонился Цзян Юйхуаю и дрожащим, отстранённым голосом произнёс:

— Ученик Юнь Чжи приветствует Шицзуня.

Какое там "сдерживаемые эмоции" — он просто обижен до смерти.

Цзян Юйхуай растерянно застыл на месте.

***

Юнь Чжи не знал, что Цзян Юйхуай тоже переродился, и был готов взорваться от обиды.

В прошлой жизни, когда они встретились, ему было всего пять лет. Шицзунь, видя в нём ребёнка, сразу же унёс его в Обитель Созерцания Гор и никогда не заставлял изучать что-то определённое, говоря лишь: делай что хочешь, лишь бы был счастлив.

В этой жизни он всего лишь переродился в семнадцати-восемнадцатилетнем облике — даже чище и красивее, чем в прошлой жизни, — а Шицзунь от него шарахается и заставляет изучать Путь Бесстрастия.

Путь Бесстрастия, как ясно из названия, означает отречение от страстей и желаний, а тем более исключает возможность иметь дао-спутника.

Невозможно стать дао-спутником Шицзуня.

Смысл более чем очевиден, не так ли?

Вся прошлая любовь Шицзуня была лишь потому, что он был ребёнком. Шицзунь его вовсе не любил, а теперь, когда он больше не выглядит как дитя, старается держаться подальше.

А он ещё дурачком питал иллюзии насчёт Шицзуня, карабкался по всей Небесной лестнице с мыслями о встрече с учителем.

По логике мучительной любви между учителем и учеником, сейчас ему следовало бы ударить Шицзуня мечом или презрительно рассмеяться, объявив об окончательном разрыве отношений, чтобы Шицзунь, много раз жестоко пострадав от него, вспомнил прошлое и раскаялся.

Но Юнь Чжи поднял голову и ещё раз взглянул на Цзян Юйхуая.

Белоодетый небожитель, прекрасный и благородный, с такими же холодными глазами, как в прошлой жизни, только сейчас они с тревогой смотрели на него.

Он всё ещё любил Шицзуня.

Юнь Чжи сам считал себя бесхребетным. Потупившись, он обречённо подумал: не хочется рвать отношения, хочется и дальше быть его учеником.

Но больше он никогда не будет улыбаться Шицзуню и никогда не будет перед ним плакать. В этой жизни он больше никогда не переступит границы — будет лишь холодно исполнять роль ученика, а любить Шицзуня не будет.

У-у-у...

Что он за герой трагедии и почему его любовь всегда такая горькая?

Пока Юнь Чжи так печалился, он вдруг почувствовал пустоту под ногами.

Это Цзян Юйхуай обхватил его за талию, поднял и усадил на бессмертного журавля.

— Не сердись... — донёсся сзади растерянный голос Цзян Юйхуая.

— Сначала вернёмся домой, дома спокойно поговорим. Можешь не изучать Путь Бесстрастия, только не плачь.

Юнь Чжи, совершенно не сознавая, что глаза у него покраснели, холодно подумал: надо же,

как Цзян Юйхуай фантазирует — он вовсе не плакал и впредь перед Цзян Юйхуаем плакать не будет.

Журавль расправил крылья и собрался взлететь, когда внезапно изначально безмятежная статуя Будды открыла все глаза на своём теле.

На этой гладкой статуе из белого нефрита, кроме лица, где должны были находиться черты, но которое зияло пустотой, повсюду росли густо усеянные глаза.

Они гневно уставились на Цзян Юйхуаю, готового увести с собой Юнь Чжи. В глубине зрачков атели кроваво-красные прожилки, а все старейшины, сидевшие в креслах, поднялись и смотрели пустыми глазами.

Призрачный голос разнёсся эхом:

— Все поступающие в секту ученики должны преклонить колени перед статуей Будды.

Никто не открывал рта, но голос доносился отовсюду, непрерывно повторяясь.

Кроваво-красное небо, искажённый мир — резкий контраст с безупречно чистым небожителем позади.

Юнь Чжи даже не взглянул на статую Будды — пока рядом Шицзунь, его взгляд всегда прикован только к Шицзуню.

А вот Цзян Юйхуай защитно обнял Юнь Чжи, легко положив руку на рукоять Меча, Рассекающего Яшму на поясе, и холодно окинул взглядом вопящего Безликого Будду.

Голос мгновенно смолк, Безликий Будда притих как мышь.

Только тогда Цзян Юйхуай отвёл взгляд и встретился с холодными глазами Юнь Чжи.

Он на мгновение остановился и осторожно спросил:

— В чём дело?

Неужели ему не нравится эта комната?

Впрочем, и правда — его комната очень скучная. Следовало бы сначала найти для Юнь Чжи что-то, чем развлекаются дети его возраста.

Но он не знал, что нравится семнадцати-восемнадцатилетним.

Юнь Чжи отвернулся:

— Шицзунь смотрит на кого хочет — зачем спрашивать меня?

Цзян Юйхуай ещё целую секунду рассматривал других людей, причём когда тот сидел у него в объятиях.

Шицзунь действительно никогда его не любил.

Если бы он не решил больше никогда не плакать перед Цзян Юйхуаем, сейчас бы ронял жемчужные слёзы.

Цзян Юйхуай недоумённо молчал.

Он правда не понимал, о чём говорит Юнь Чжи. В любом случае, сначала домой — здесь слишком шумно, а дома можно будет спокойно поговорить.

Белый журавль взмыл в небо.

Тем временем перед статуей Безликого Будды, после краткого переполоха, люди с завистью или ревностью провожали взглядами Юнь Чжи, которого увёз Цзян Юйхуай, и ёжились под пустыми взглядами старейшин.

Им не так повезло — никто, похожий на небожителя, как Бессмертный Владыка Цзичуань, их не забрал. Приходилось, коченея, идти к Безликому Будде.

Жуткое зрелище, слишком жуткое.

Почему вступление в мир совершенствования происходит именно так? Это совсем не похоже на слухи о бессмертных, и почему те коленопреклонённые люди не шевелятся и выглядят словно... мёртвые?

Вокруг раздавались шуршащие звуки — будто бесчисленные твари быстро ползали в темноте.

У кого-то подкосились ноги, он упал на колени, дрожа, и только тогда наконец понял, что что-то не так.

Он больше не мог двигаться.

Мог лишь так, склонив голову под гигантским Безликим Буддой, не в силах даже издать стон ужаса, полностью подконтрольный, как марионетка, совсем как стоящие впереди на коленях люди.

Под всё усиливающиеся шорохи его взгляд постепенно становился пустым, а на изначально чистом полу, казалось, появились искажённые видения.

Что это... что?

Глаза...?

***

На журавле в небе щупальца, наконец выйдя из апатии после разлуки, вяло шевельнулись и ткнули Юнь Чжи:

[Яиц больше нет, Шицзунь плохой.]

Щупальца сразу начали с обвинений.

В прошлой жизни они с большим трудом отдали Шицзуню яйца, из которых могли вылупиться маленькие щупальца, но их детёныши даже не родились — Шицзунь их напрочь вымыл.

В этой жизни он переродился в готовом теле, и период созревания восемнадцати лет уже прошёл. Придётся ждать как минимум до девятнадцати лет, чтобы появились новые яйца.

Юнь Чжи только тогда вспомнил об этом, и перед глазами всплыли воспоминания прошлой жизни.

Он поместил все неоформившиеся яйца из своего тела в тело Цзян Юйхуая. Тогда Шицзунь был заперт и не мог сбежать, живот у него даже слегка округлился, и он дрожал от малейшего прикосновения.

Хотя он уже решил не любить Шицзуня, образы из памяти были слишком соблазнительными, и Юнь Чжи невольно глазами на щупальцах взглянул на безупречно одетого Цзян Юйхуая позади себя.

Кто бы мог подумать, что когда живот Шицзуня был полон его потомством, тот выглядел точно так же — абсолютно безупречно.

Юнь Чжи резко уткнулся головой в шейные перья журавля.

Как же так — такое бесстыдство, такое влечение.

Если бы яйца вылупились... появилось бы множество прелестных красивых маленьких щупалец. Жаль их детёнышей — у них была холодная мать, которая их совсем не любила, и они умерли, даже не родившись.

Думая об этом, Юнь Чжи опять загрустил — о своих потерянных маленьких щупальцах.

Стиснув зубы, он обратился к щупальцам:

[Что нет, то нет — всё равно Шицзунь меня не любит.]

Какой он бесхребетный — даже после всего этого не решается ударить Шицзуня мечом и навсегда разорвать отношения.

Цзян Юйхуай с недоумением наблюдал за Юнь Чжи, который то краснел, то печалился. Он не осмеливался заговорить — казалось, что после перерождения он только и делает, что злит Юнь Чжи, и что бы ни сказал — всё неподходящее.

В прошлой жизни именно из-за того, что он не смог нормально поговорить с Юнь Чжи, у того появился демон сердца, и он упорно считал, что учитель его не любит.

Теперь, когда Юнь Чжи ещё не знает, что он тоже переродился, и принимает его за Шицзуня, с которым только познакомился, Цзян Юйхуай думал, что, возможно, у него есть шанс.

Нужно доказать, что он с самого начала и до конца любил Юнь Чжи, а также поскорее заново наставить его на путь.

***

Белый журавль медленно опустился, и Юнь Чжи увидел знакомую Обитель Созерцания Гор.

Люди в этом мире по большей части выглядели уродливо, и только Цзян Юйхуай был красивым человеком. А Обитель Созерцания Гор, где жил Цзян Юйхуай, тоже была редким островком покоя.

Здесь не было жутких статуй Будды, не встречались вездесущие искажённые твари и отчаянные крики. Газон под ногами ощущался как твёрдая земля, каменная дорожка вела вглубь к тихой бамбуковой роще, где лишь изредка раздавались мелодичные трели.

В глубине рощи находился открытый источник, а за ним — маленький дворик, где они жили.

Юнь Чжи вырос здесь, упражнялся в фехтовании, слушал наставления Цзян Юйхуая, а позднее прижимал Шицзуня к горячему источнику... о чём он думает?

Юнь Чжи спустился с журавля, поспешно прогнав неподобающие мысли, и последовал за Цзян Юйхуаем к знакомому жилищу.

— Скрип...

Деревянная дверь двора отворилась, Юнь Чжи вошёл и направился в комнату, которую он делил с Цзян Юйхуаем.

Пока что это была комната одного Цзян Юйхуая. Кровать узкая, рассчитанная лишь на то, чтобы один человек мог медитировать, ещё не заменённая на просторную мягкую кровать, которая появилась после его прихода.

Освещение в комнате тоже было хорошим — окна и двери ещё не были им заколочены, превратив комнату в тёмную каморку. Изящные свитки с каллиграфией, полный чайный сервиз, аккуратные книжные полки — всё говорило об утончённости хозяина.

Цзян Юйхуай зашёл следом, но остался в дверях и осторожно спросил:

— Голоден? Хочешь что-нибудь особенное? Я схожу по делам, а потом приготовлю тебе еду.

Стоя в комнате, где вырос, Юнь Чжи, поначалу решивший холодно относиться к Цзян Юйхуаю, почувствовал какие-то неясные ему самому эмоции и невольно смягчился.

— Всё равно, — неохотно проронил Юнь Чжи три слова.

То есть согласился поесть.

Если согласился поесть — уже хорошо, значит, возможность для общения ещё есть.

Цзян Юйхуай с облегчением вздохнул, поспешно бросил "подожди немного" и вышел.

Юнь Чжи медленно сел на жёсткую узкую кровать и молча обнял свои щупальца.

Он всё ещё не понимал, почему переродился, особенно после того, как осознал, что Цзян Юйхуай его не любит.

Быть человеком действительно трудно, даже любовные отношения такие сложные. Если бы можно было, он не хотел бы больше оставаться человеком — хотел бы снова стать настоящим

щупальцевым монстром. Тогда можно было бы просто обвить Шицзуня, навечно опутать щупальцами и заполнить, не давая больше возможности отказаться.

Но он не мог решиться, потому что, оставаясь человеком, можно есть еду, приготовленную Шицзунем, и получать от Шицзуня поглаживания по голове — а будучи монстром, этого не будет.

Судя по Безликому Будде, который только что не осмелился пикнуть, Шицзунь беспощаден к полностью переродившимся монстрам. До самого конца прошлой жизни Юнь Чжи приходилось завязывать Шицзуню глаза, чтобы осмелиться принять истинный облик.

Он боялся, что Шицзунь Мечом, Рассекающим Яшму, просто отрубит ему щупальца.

Пока Юнь Чжи размышлял, щупальца, которые он обнимал, снова пошевелились и встревоженно ткнули его:

[Есть другие живые существа, два.]

Вокруг Обители Созерцания Гор установлен барьер, и он знал все живые существа внутри как свои пять пальцев. Появление незнакомой ауры было беспричинным — значит, пришли извне.

Выражение лица Юнь Чжи напряглось. Он быстро поднялся и, используя Метод сокрытия ауры, которому научил его Цзян Юйхуай, бесшумно и быстро направился к источнику незнакомой ауры.

Оказалось, что они находились у подножия Обители Созерцания Гор.

Никаких воображаемых захватчиков или монстров не было.

Юнь Чжи увидел лишь Цзян Юйхуая, стоящего за барьером и тихо благодарящего ученика внешнего круга:

— Спасибо за труды.

Ученик внешнего круга держал в руках что-то белое и пушистое. Услышав благодарность, он поспешно ответил:

— Какие труды, когда служишь Бессмертному Владыке.

Цзян Юйхуай кивнул, принял из рук ученика белый пушистый комочек и корзину с овощами, после чего повернулся и вошёл в барьер.

По мере его движения белый комочек пошевелился, и Юнь Чжи наконец разглядел, что держит в руках Цзян Юйхуай.

Это оказался белый длинношёрстный котёнок, видимо, всего трёх-четырёх месяцев от роду, который сейчас ластился к Цзян Юйхуаю.

У Юнь Чжи перехватило дыхание.

Он не знал, из-за чего расстраиваться в первую очередь — из-за того, что Шицзунь тайком от него ходил встречаться с другими, или из-за того, что Шицзунь завёл кота.

Шицзунь действительно его не любил. Шицзунь просто любил растить детей.

Может быть, он просто любил белые длинношёрстные существа — иначе с чего бы в этой жизни, когда Юнь Чжи больше не ребёнок, специально заводить белого длинношёрстного котёнка?

Юнь Чжи действительно готов был заплакать.

Впервые полюбив человека, впервые ставши человеком — почему он влюбился именно в такого жестокосердного Цзян Юйхуая?

Ведь это Шицзунь его вырастил, ведь Шицзунь больше всех его любил, а теперь Шицзунь собирается растить кота.

Неужели для Шицзуня он тоже был всего лишь котёнком?

Цзян Юйхуай быстро возвращался, и, чтобы не выдать, что он тоже переродился, Юнь Чжи мог лишь сдержать слёзы, поспешить обратно и успеть вернуться в спальню раньше Цзян Юйхуая.

Поэтому, когда Цзян Юйхуай с котёнком на руках толкнул дверь, он увидел Юнь Чжи с покрасневшими глазами.

Опять плачет?

Он поджал губы и с тревогой спросил:

— Тебе не нравится?

Может, ему не по душе эта спальня?

И правда, его спальня очень скучная. Следовало бы сначала найти что-то, чем любят заниматься дети такого возраста, чтобы развлечь его.

Но он не знал, что нравится семнадцати-восемнадцатилетним.

Юнь Чжи опустил голову и не смотрел на него. Атмосфера на какое-то время стала напряжённой.

Зато котёнок в руках Цзян Юйхуая, увидев Юнь Чжи, тихо мяукнул и протянул розовые лапки, желая перебраться к Юнь Чжи.

Цзян Юйхуай вспомнил содержание «Канона о приближении к мудрым и воспитании детей», который он специально отыскал в Павильоне хранения книг после перерождения, и осторожно протянул котёнка Юнь Чжи:

— Ты... хочешь завести кота?

В «Каноне воспитания» было написано: лучший способ установить близость с ребёнком — совместно заботиться о новой жизни.

<http://bllate.org/book/13450/1197536>